

Посвящается моей жене Элен Арго Джонсон

ПРОЛОГ

На клавиатуре фортепиано — в данном случае это пианино — две аккуратно расположенные пары рук. Можно с уверенностью сказать, что те, что справа (над до и до-диез), принадлежат девушке. Очень тонкие — такие бывают только у молодых девушек, — но крепкие, сильные и смуглые. На правой — декоративное колечко, на левой ничего. Значит, девушка не помолвлена и не замужем. Разведенные пальцы зажимают до-мажорный аккорд и ждут. Затем начинают играть.

То, что они играют — причем весьма неплохо, — это «Веселый крестьянин»¹. Настойчивая короткая мелодия: «Дум-дум-бум, бум-дум-дум-бум, бум-дум-дум-дум-дум» и т. д. Заканчивается так же. Это произведение невозможно обойти стороной; люди играли его веками.

Руки исчезают с клавиатуры.

— Хорошо, теперь попробуй ты.

---

¹ Произведение немецкого композитора Роберта Шумана (1848 г.). — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Настает очередь другой пары рук, тех, что слева,— пухлых, загорелых (но тщательно отмытых) и маленьких. Неуклюжие пальцы напряжены. Они занимают нужную позицию и начинают: «Дум, дум-бум, бум (ошибка)». Перестраиваются и начинают сначала.

— Пойдем. Доиграешь после церкви.

— Дай мне попробовать. Еще раз... можно?

— Хорошо, но выходи, когда я просигналю. Не хочу опаздывать.

Более длинные и тонкие руки натягивают пару коротких белых перчаток, доходящих точно до запястий.

— Так, а где Бобби? Бобби-и-и-и!

— Иду. Но еще же рано. Мы не уходим, пока...

— Покажи *свои* руки.

Эти руки тоже более-менее чистые, но явно мальчишеские. На фоне рук в белых перчатках они выглядят ободранными, заскорузлыми и от природы чумазыми, хотя их недавно мыли. Тем не менее они проходят проверку.

— Хорошо, пойдем, Синди.

— Иду, мисс Барбара,— слегка язвительным тоном отвечает девочка.

— Тебе необязательно называть меня «мисс».

— Мама сказала так тебя называть.

— Хорошо, раз она так сказала.

Родители в Европе, поэтому детей в церковь возит няня. Внешне они производят приятное впечатление.

Синди Адамс, маленькая пианистка,— озорная десятилетняя девочка. Она довольно хорошенькая.

У нее каштановые волосы, коротко подстриженные на лето, поскольку от купания и влажной жары они закручиваются в кудри, путаются и их сложно расчесывать. Она из тех детей, которых взрослые инстинктивно хотят погладить.

Бобби Адамс, ее брат, на удивление очень красив. Ему около тринадцати. Худощавый, белокожий, с ярким румянцем на щеках и светлыми волосами, настолько тонкими, что им требуется вода и гель, чтобы они не плавали вокруг головы непослушным ореолом. Он редко улыбается и часто стоит с задумчивым видом, максимально глубоко запустив руки в карманы штанов. Эта поза, нетипичная для юноши, является неосознанной копией той, которую его отец, хирург, обычно принимает во время разговора.

Руки в белых перчатках, сжимающие руль семейного автофургона, въезжающего на церковный двор, принадлежат няне-пианистке Барбаре. Легким энергичным прыжком она выходит из машины, чтобы выпустить детей. Ей, наверное, лет двадцать, не больше. На ней белое платье очень дипломатичного покроя. Достаточно короткое, чтобы продемонстрировать ноги и получить одобрение сверстников, и в то же время достаточно длинное, чтобы показать уважение к старшему поколению и общественному порядку.

Барбара не красива в том смысле, в каком красивы киноактрисы. Она лучше: молодая и нежная,— по крайней мере, так можно выразиться, глядя на ее лицо,— и она всем нравится. Это видно по тому, как она ведет детей в воскресную школу, и по тому, как на церковном дворе ее довольно быстро принимает

группа пожилых, обычно настороженных прихожан, никого из которых она не знает лично.

Утро проходит довольно спокойно. На первом этаже, где идут занятия — Синди ерзает, а Бобби сидит с задумчивым взглядом, — дети узнают о том, как Господь исцелял людей. Наверху — Барбара сидит с аккуратно сложенными на коленях белыми перчатками — взрослые слушают о том, что во времена перемен и неопределенности слова Иисуса актуальны как никогда.

Потом все поют. Это простая и красивая мелодия: «Иисус, наш Бог и Отец», и так далее и тому подобное.

По окончании службы все стоят в тенистом дворе — в следующем году его замостят, а пока там довольно пыльно — и обсуждают новости округа. Назовите это сплетнями.

Адамсы здесь хорошо известны, при всем при том, что они не из местных. Доктор Адамс внес свой вклад в виде краски, пианино и зеленых насаждений. Миссис Адамс участвовала в выпечке тортов и сборе средств.

В этом есть некоторый цинизм, а также определенная доля доброжелательности. Цинизм, поскольку все знают, что Адамсы не очень религиозны, по крайней мере, не так, как принято в этом округе, на восточном побережье Мэриленда. Это только для виду. С другой стороны, все понимают, что, таким образом участвуя в церковных делах, Адамсы из кожи вон лезут, чтобы понравиться принявшей их общине. Доктор Адамс протягивает руку, и прихожанежимают ее, а в его отсутствие их руки тянутся к тонкой руке Барбары, которая стоит возле церкви, в тени мимоз, белоснежная и сияющая, как маргаритка.

В неопределенном будущем она тоже станет частью какого-нибудь сообщества. У нее будут свои дети, свои планы, и иногда ей тоже *придется* печь торты. Это успокаивающее видение будущего, о котором она мечтала всю свою жизнь, или, может, какая-то картина, вдохновившая ее давным-давно. В любом случае, этот образ ей приятен.

Ее мысль — если ее можно выразить словами — звучит так: «Кто даст мне все это? Тед?» Барбара хмурится.

Итак, все топчутся вокруг, пока занятия в воскресной школе не заканчиваются — сегодня что-то поздно — и дети не выходят к своим родителям. Поскольку здесь много любвеобильных стариков, бабушки и дедушки охают и ахают, и дети покорно это терпят. В конце концов, Господь велел быть добрым. Затем Бобби, Синди и Барбара садятся в автофургон, чтобы поехать домой, а по пути искупаться в реке, на берегу которой построен дом Адамсов.

Напоследок их ждет препятствие. Когда они садятся в свой роскошный автофургон — с кондиционером, тонированными стеклами и всевозможными опциями, — то обнаруживают, что выезд заблокирован сборщиками. Это группа трудовых мигрантов, идущих пешком по проселочной дороге.

Неподалеку — местность здесь лесистая — есть коммерческие сады, и в это время года приезжают сборщики фруктов. Работа эта тяжелая, изнуряющая и очень низкооплачиваемая. Тем не менее их прибытие знаменует собой конец лета, и когда они снова

улетят, как стая темных латиноамериканских птиц, начнется осень.

— Кто это такие? — нетерпеливым тоном спрашивает Барбара. Под ее маленькой ножкой — семицилиндровый поршневой двигатель.

— Не знаю.

— Сборщики, — говорит Бобби. — Никто.

Потом дорога медленно пустеет, и машина устремляется вперед, колесами подбрасывая вверх гравий. Они проезжают мимо сборщиков, не оглядываясь.

— Сколько времени отсюда до реки? — спрашивает Барбара.

— Пятнадцать минут.

— Двенадцать, — поправляет брата Синди.

— Тогда поехали-и-и!

Барбара — в белом платье и белых перчатках — с энтузиазмом вжимает педаль газа в пол (хотя она неплохо водит, ей редко выпадает возможность управлять столь мощной машиной). Из-за столь резкого ускорения она чувствует себя немного озорной — есть в ней такая черта, — и ей явно нравится визг шин, когда они выезжают на асфальтированную дорогу и устремляются вперед.

Именно после этого все и начинается.

I

Первые несколько мгновений ее разум был все еще опутан воспоминаниями о последних часах. После того как Барбара помогла детям принять ванну и уложила их спать, она сделала себе небольшой хайбол с виски из бара доктора Адамса и села на крыльцо с видом на реку — ее награда за четвертый день. Чуть позже она сходила в душ и легла спать.

Затем, где-то посреди ночи, раздался шум, короткий и пугающий, — возможно, он ей приснился, — который оставил в ее проясняющемся рассудке нехорошее ощущение. В страхе она подумала, что это *дети*, но вместо того, чтобы пойти к ним, снова погрузилась в сон без сновидений, который не спешил отпускать ее.

Да, это дети. Вставай.

В полудреме она предприняла все усилия, чтобы подняться с кровати, но в итоге даже не сдвинулась с места. Пробуждающийся разум осознавал не всё сразу, но первым делом она обратила внимание вот на что.

Дневной свет.

Ей было неудобно, она лежала в очень странной для сна позе — на спине, раскинув руки и ноги. Тело было обездвижено, запястья и лодыжки слегка побаливали. Она не могла пошевелиться. Рот был забит мокрой тряпкой, похожей на махровое полотенце, а нижняя часть лица заклеена чем-то жестким, что причиняло боль и стягивало кожу.

Барбара снова попыталась приложить усилия — на этот раз более суетливые и отчаянные, уже не такие вялые, — но тщетно. Она была беспомощна, и в этом состоянии были виноваты... Барбара нервно вытягивала шею, повращала зрачками, и поняла причины — веревка, кляп, скотч. Она была связана. Под простыней, кем-то наброшенной на нее, она разглядела, что привязана к четырем кроватным стойкам, что делало ее пленницей, целиком и полностью.

Факт, конечно же, неприемлемый. Это просто невозможно, особенно при данных обстоятельствах. Она все еще находилась в своей спальне в доме Адамсов; не была похищена или увезена куда-либо. Если не считать дискомфорта от тугих веревок, некоторой скованности в теле и легкой головной боли, с ней все было в порядке. Ей не причиняли вред, ее не насиловали (по крайней мере, по первым ощущениям). К тому же, в кресле рядом с кроватью спал молодой Бобби Адамс.

В утреннем свете его юное лицо было воплощением невинности — светлые волосы, ярко-розовые щеки, пухлые губы — красивый мальчик. В этих условиях — ее беспомощности и его свободы — рассудительный и серьезный Бобби больше походил на слишком молодого часового, спящего в свободное от фронтовой службы время.

Это совершенно невозможно.

Стояло обычное летнее утро, и единственной неуместной вещью в нем была Барбара, самым невероятным образом превратившаяся в пленницу. Когда она полностью пробудилась ото сна, шок и удивление сменились негодованием. Она словно стала жертвой какого-то космического розыгрыша, нацеленного только на нее, и это возмутило ее, практически привело в ярость.

Разумеется, можно было попросить Бобби развязать ее, но с присущим взрослым чувством превосходства над детьми она решила вырваться на свободу самостоятельно. Несмотря на туго натянутые веревки и неудобную позу, принялась выгибаться и выворачиваться, подпрыгивать в попытке избавиться от уз. Молодая и спортивная, она сама поразила своей силой, ярости и координации движений. Кровать застонала под таким натиском.

Однако некоторые уроки усваиваются очень быстро.

Кровать шаталась и трещала, но не поддавалась. Веревка немного ослабла, но при этом петли на лодыжках и запястьях затянулись, как проволочные. Барбара дергалась и извивалась, но при этом могла дышать только носом, поэтому вскоре выдохлась и обессилела. Минута, полторы, и она сдалась. Охотник, похититель, кем бы он ни был, на какое-то время победил. Все еще негодуя, больше от усилившегося осознания собственной беспомощности, она тем не менее перестала тратить силы и замерла. Теперь она была готова принять помощь.

Шум, конечно же, разбудил Бобби. Вечно осторожный, он встал рядом с ней, еще не отошедший от сна и встревоженный.